

Лебедев А. П. Константинопольская патриархия по ее интеллектуальной стороне: (От эпохи падения Византийской империи до ближайших к нам времен) // Богословский вестник 1894. Т. 4. № 12. С. 456–486 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Константинопольская патриархія по ея интеллектуальной сторонѣ.

(Отъ эпохи паденія византийской имперіи до ближайшихъ къ намъ временъ).

Матеріалы, относящіяся къ этому отдѣлу исторіи греческой церкви немногочисленны, но не потому, что они не сполна дошли до насъ, а потому, что патріархи изучаемаго нами времени мало оставили по себѣ слѣдовъ, которые бы давали право вести длинныя ртзсужденія объ ихъ образованности и просвѣтительной дѣятельности. Относительно нѣкоторыхъ патріарховъ константинопольскихъ турецкаго періода намъ не удалось встрѣчать никакихъ свѣдѣній, которыя позволяли бы составлять опредѣленное понятіе о степени ихъ образованности; это болѣе всего, кажется, зависитъ отъ того, что они, по своимъ интеллектואльнымъ качествамъ не выдѣлялись изъ ряда прочихъ священниковъ даннаго времени. Впрочемъ, есть и такіе патріархи, о которыхъ въ наукѣ упрочилась лестная репутація, какъ о людяхъ интеллигентныхъ, но есть, напротивъ, и такіе патріархи, которые по своимъ интеллектуальнымъ качествамъ и отрицательному отношенію къ наукѣ и просвѣщенію стояли много ниже того церковнаго положенія, какое они занимали.

Во второй половинѣ XV-го вѣка выше всѣхъ прочихъ патріарховъ по своей образованности и просвѣтительной дѣятельности стоялъ, конечно, Геннадій Схоларій. Но о немъ должно сказать, что по своей образованности и научнымъ стремленіямъ онъ превосходилъ не только патрі-

арховъ второй половины XV-го вѣка, но патріарховъ всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ до нашихъ дней. Выше, на основаніи показаній одного греческаго ученаго, мы сказали о серьезномъ научномъ образованіи Геннадія и его великой ученой славѣ какъ оратора, богослова и философа. Для подтвержденія той характеристики намъ слѣдовало бы вести рѣчь о сочиненіяхъ Геннадія, но подобная задача не входитъ въ наши планы ¹⁾. Перечислимъ тѣхъ изъ преемниковъ Геннадія, которые относятся къ XV вѣку и объ образованности которыхъ сохранились хоть сколько нибудь опредѣленные свѣдѣнія. Маркъ Ксилокарависъ, родомъ изъ Константинополя, правившій церковью еще во времена Магомета II, именуется у лѣтописца весьма ученымъ человекомъ ²⁾, безъ указанія какихъ либо подробностей касательно его ученыхъ достоинствъ. У того же лѣтописца восхваляется за образованность патріархъ Максимъ III, родомъ изъ Пелопониса, тоже занимавшій кафедру при жизни Магомета. Онъ называется въ лѣтописи наилучшимъ знатокомъ богословія; въ мѣрѣ онъ носилъ имя Мануила и занималъ должность великаго экклизіарха, требовавшую отъ него знанія церковныхъ законовъ; онъ извѣстенъ былъ въ свое время какъ неутомимый проповѣдникъ, поучавшій народъ во всѣ праздничные дни, — проповѣди его приписывается большое вліяніе на слушателей. По другимъ извѣстіямъ онъ еще владелъ кромѣ основательнаго знанія языка древне-греческаго также языками — еврейскимъ, арабскимъ и латинскимъ ³⁾. Объ этомъ Максимъ III рассказываютъ, что, какъ человекъ образованный, онъ пользовался почти такимъ же уваженіемъ со стороны Магомета II, какъ и знаменитый Геннадій. Лѣтописецъ говоритъ, что слава о великой учености и дарованіяхъ патріарха дошла до султана; послѣдній, поэтому, обратился къ нему съ приказаніемъ, но не лично, — чтобы

¹⁾ Вообще говорить о писателяхъ греческой церкви мы не намѣрены. Кто знакомъ съ такими сочиненіями, какъ „Новозлинская филологія“ Саты, „Новая Греція“ Закры, „Еллинская бібліографія“ Леграна, тотъ понимаетъ, что еще не наступила пора разсуждать о писателяхъ въ Греціи изучаемаго періода. Нуженъ усердный трудъ, дружная работа нѣсколькихъ поколѣній, чтобы сдѣлать возможными сколько нибудь серьезныя разсужденія объ этихъ писателяхъ.

²⁾ Hist. Patr., p. 101.

³⁾ Hist. Patr. p. 115 116. Γεδεών, σελ. 486.

Максимъ истолковалъ для него христіанскій символъ. Патріархъ сдѣлалъ, что ему было приказано и заслужилъ своей прекрасно исполненной работой полное благоволеніе Магомета ¹⁾: Въ одномъ источникѣ къ этому еще добавляется, что повелитель мусульманъ распорядился, чтобы толкованіе Максима было переведено на болѣе понятный языкъ его соплеменниковъ, т. е. на туркоарабскій языкъ ²⁾. Если вся эта исторія съ толкованіемъ символа не есть легенда, возникшая на основаніи дѣйствительнаго факта изложенія христіанскаго вѣроученія для Магомета Геннадіемъ, то слѣдуетъ полагать, что своимъ поступкомъ султанъ еще разъ хотѣлъ зарекомендовать себя съ наилучшей стороны въ глазахъ Грековъ: настоящаго интереса къ христіанской религіи у него не было, а напускное вниманіе къ этой религіи могло быть несомнѣнно выгодно для него, примиряя, по возможности, Грековъ съ иновѣрнымъ владычествомъ въ христіанской Византіи. У Героея монемвасійскаго встрѣчается извѣстіе, что будто Магометъ, цѣня умственныя качества Максима, призывалъ его къ себѣ для собесѣдованія о предметахъ христіанской вѣры ³⁾. Это извѣстіе, къ нашему удивленію, попало даже и въ русскую церковно-историческую литературу ⁴⁾. Но было бы гораздо лучше, если бы это извѣстіе оставалось на вѣки погребеннымъ тамъ, гдѣ оно хранилось до сихъ поръ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что замѣтка Героея о личномъ собесѣдованіи Магомета съ Максимомъ есть примышленіе писателя, который по аналогіи съ извѣстнымъ рассказомъ о Геннадіи и его бесѣдѣ съ султаномъ, безо всякаго основанія внесъ въ свой историческій трудъ замѣтку, что и съ Максимомъ Магометъ тоже лично бесѣдовалъ о вѣрѣ; но такого извѣстія не встрѣчается въ другихъ болѣе компетентныхъ памятникахъ, а это очень важно. Нельзя сказать, чтобы Героеей не имѣлъ основанія сообщать свѣдѣніе о такомъ многознаменательномъ фактѣ, какъ личная бесѣда Магомета и патріарха Максима; у него было основаніе. Та-

¹⁾ Hist. Patr., 117. Hist. Polit. 47—48.

²⁾ Κηγάλας, σελ. 442. Cf. Hist. Polit. 48.

³⁾ Λωρόθεος, σελ. 427.

⁴⁾ Проф. И. И. Малышевскій. „Мелетій“, стр. 13.

кимъ для него служила невѣдомо откуда взятая имъ легенда, но легенда, нужно сознаться, чудовищная и несо-
всѣмъ пристойная. Читатель, надѣмся, позволить намъ раз-
сказать эту легенду. Однажды Магомету захотѣлось поза-
бавиться на счетъ монашескаго одѣянiя. Кстати же у него
былъ громадный и страшный псище меделянскій (*ἀπό τῆς
Λομιλαρδίας*); песь былъ ученый, онъ умѣлъ стоять на зад-
нихъ лапахъ и въ такомъ положенiи умѣлъ даже ходить,
хотя и немного. Султану пришла на умъ блажь одѣтъ пса
въ монашеское одѣянiе. Такъ и было сдѣлано. Затѣмъ сул-
танъ пригласилъ къ собѣ патриарха и началъ ему говорить,
что у него, султана, находится въ гостяхъ чужестранный
монахъ, носящій тоже монашеское платье, какъ и самъ
патриархъ; и что этотъ монахъ желаетъ получить отъ него
посвященiе въ церковный санъ; при этомъ Магометъ при-
бавилъ: дай ему, чего онъ просить. Патриархъ потребо-
валъ, чтобы султанъ показалъ ему этого самаго монаха.
Тогда привели пса, одѣтаго по монашески и въ камилавкѣ.
Патриархъ, увидѣвъ, въ чемъ дѣло, не растерялся; но ска-
залъ Магомету: я думаю, что этотъ монахъ больше отно-
сится къ твоему вѣдомству, чѣмъ къ моему. А въ доказа-
тельство, что это и въ самомъ дѣлѣ такъ, Максимъ по-
просилъ, чтобы принесли немного мяса и немного пальмо-
выхъ плодовъ (*κονχία*). Султанъ исполнилъ просьбу патри-
арха. Тогда Максимъ сказалъ своему властелину: пусть
будутъ даны твоему монаху и мясо, и плоды, если онъ
будетъ ѣсть мясо и не станетъ касаться плодовъ, то зна-
читъ онъ тебѣ подвѣдомъ, а если наоборотъ станетъ ѣсть
плоды и оставитъ безъ вниманiя мясо, то значить опъ мнѣ
подвѣдомъ. Опытъ сдѣланъ, результатъ его понятенъ самъ
самъ собою. Султанъ удивился мудрости патриарха ¹⁾. Вотъ
тотъ отмѣченный историкомъ случай, который даетъ ему
основанiе утверждать, что между султаномъ и Максимомъ

¹⁾ *Λομιλαρδίας*, 427—8. Благоразумный Кигала (*σελ.* 443—444) хотя, какъ
намъ уже извѣстно, и пользовался иногда извѣстiями Героея (Дороея),
но на сей разъ съ пренебреженiемъ отбросилъ сказки этого послѣдняго
о мнимыхъ бесѣдахъ Магомета съ Максимомъ. А у насъ еще и теперь
считается книга Героея (Дороея) „очень замѣчательнымъ хронографомъ“,
которымъ будто бы необходимо пользоваться въ интересахъ успѣшнаго
развитiя церковно-исторической науки!

происходили личные собесѣдованія о вѣрѣ. Разумѣется, такого происшествія быть не могло. Но не въ этомъ дѣло. Тѣ ученые, которые, опираясь на извѣстіе Героеея, говорятъ, что съ Максимомъ „какъ и съ Геннадіемъ Магометъ II любилъ вести бесѣды о вѣрѣ христіанской“, должны бы приводить и сейчасъ рассказанную исторію, ибо эта исторія служить единственнымъ доказательствомъ для Героеея правоты разбираемаго нами его извѣстія. Если же поступать такъ не цѣлесообразно, то и наука, шадя свое достоинство, однажды навсегда должна отбросить разсматриваемое извѣстіе, какъ гнилой плодъ, произращенный невѣжествомъ историка XVI вѣка. Такимъ образомъ ученую славу патріарха Максима слѣдуетъ поубавить. Съ Геннадіемъ сравнивать его нельзя. Досужая фантазія силится поднять повыше ученый авторитетъ Максима; но историческая наука должна стоять на сторожѣ неприкрашенной истины.—Въ концѣ XV вѣка славился своею образованностію патріархъ Нифонтъ, родомъ изъ Пелопониса. Онъ происходилъ изъ богатой и образованной фамиліи. Своимъ личнымъ образованіемъ впрочемъ онъ обязанъ мужамъ большею частию монашескаго чина, не составившимъ себѣ имя въ исторіи просвѣщенія. Нифонтъ, сдѣлавшись патріархомъ, являлся особенно—учительнымъ пастыремъ. Его проповѣдническое слово производило большое впечатлѣніе на слушателей, такъ какъ оно отличалось плавностію и обиліемъ мыслей ¹⁾. Подлѣ немногихъ патріарховъ второй половины XV вѣка, относительно образованности которыхъ имѣются достаточныя свидѣтельства, въ это же время встрѣчаемъ на константинопольской патріаршей кафедрѣ и такихъ лицъ, которыя, если вполнѣ повѣримъ источникамъ, чуть ли не были чужды всякаго образованія. Говоримъ о патріархѣ Рафаилѣ I, родомъ Сербѣ, занимавшемъ кафедру еще при Магометѣ II. О немъ говорятъ, что онъ совсѣмъ не понималъ греческаго языка и объяснялся съ своими подчиненными только при посредствѣ переводчика. Разумѣется, что такой патріархъ представлялъ странное явленіе. Кигала именуется его преварваромъ ²⁾. Впрочемъ есть возможность нѣсколько смяг-

¹⁾ Hist. Patr., p. 127—128. *Κιγάλας*, 448. *Γεδεών*, 488—9. *Σάθα*. *Νεοελλ. φιλολογία*, 98—99.

²⁾ Hist. Patr., 114. *Κιγάλας*. 440.

читать суровыя сужденія о немъ историковъ. Но это сдѣлаемъ при другомъ случаѣ, гдѣ намъ придется сказать о Рафаилѣ нѣсколько подробнѣе.

Обращаемся къ XVI вѣку. Нельзя не удивляться тому странному явленію, что образованныхъ патриарховъ если вѣрить историческимъ показаніямъ, въ теченіи указаннаго вѣка было очень мало, такъ что мы должны причислить его къ самымъ темнымъ вѣкамъ въ жизни Константинопольской патриархіи турецкаго періода. И это тѣмъ болѣе, что напротивъ, свидѣтельства, удостовѣряющія малую образованность, или почти необразованность значительнаго числа патриарховъ того же вѣка, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ сколько было бы это желательно. Къ образованнымъ патриархамъ съ наибольшею увѣренностью можно причислять только двухъ предстоятелей константинопольской церкви, XVI вѣка—Иеремію II и Митрофана III. Оба они неоднократно восходили на патриаршую кафедру во второй половинѣ этого вѣка. Иеремія, по прозванію Транось, родомъ изъ Анхіала, учился въ Монемвасіи, немного въ Терновѣ (у Арсенія), потомъ въ Навпактѣ у знаменитаго Дамаскина Студита (имя котораго сіяетъ яркою звѣздою въ церковной историографіи XVI вѣка) и наконецъ онъ слушалъ уроки у Матѳея критянина, ученика Арсенія терновскаго. Умомъ однакожь Иеремія не блистала; по отзыву Героеея умъ его былъ тяжеловатъ (*χοτρὸς*). Этотъ отзывъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что Иеремія между прочимъ былъ и ученикомъ самого Героеея. Стоитъ еще упомянуть о замѣчательной любознательности Иереміи. Будучи любителемъ науки, онъ слушалъ уроки словесности и философіи въ патриаршей академіи въ Константинополѣ, въ то время, когда онъ самъ былъ уже патриархомъ ¹⁾. Его интересовала вообще не только наука богословская, но и философія и „многія другія науки“. Иеремія былъ неутомимымъ церковнымъ проповѣдникомъ, „подобно мудрымъ древнимъ патриархамъ“ ²⁾. Ему дѣлають иногда упрекъ, что онъ отрицалъ пользу изученія еврейскаго языка для болѣе глубокаго из-

¹⁾ *Δωροθέου, σελ. (Σάβα. Σχεδιασμοὶ περὶ τοῦ Ἱερεμίου II: Παράρτημα, σελ. 9) Γεδεών, σελ. 519.*

²⁾ *Hist. Patr.*, p. 197. Послѣ этого намъ кажется совершенно непонятнымъ замѣчаніе преосв. Парфирія (Успенскаго), что „въ XVI в. ни одинъ

ученія св. Писанія ¹⁾); но ставить ему это въ самомъ дѣлѣ въ упрекъ было бы притязательностію и непониманіемъ духа того времени. Рядомъ съ Іереміей по степени образованности долженъ быть поставленъ и Митрофанъ Ш. Герлахъ, лично знакомый съ этимъ патріархомъ и строгій судья представителей греческой церкви своего времени, отзываясь о Митрофанѣ слѣдующимъ образомъ: „это—человѣкъ ученѣйшій изъ всѣхъ Грековъ“. Гедеонъ называетъ его мужемъ прекрасно образованнымъ и любителемъ наукъ. Онъ возстановилъ монастырь Св. Троицы на о. Халки и обогатилъ его достойной вниманія бібліотекою. Герлахъ посѣщалъ эту бібліотеку и описалъ ея каталогъ. Митрофанъ водилъ знакомство и съ папистами, и лютеранами, т.-е. отличался широтою воззрѣній ²⁾.—Съ достаточнымъ правомъ можно считать человѣкомъ не чуждымъ образованія, и патріарха Іоасафа II, родомъ изъ деревни близъ Яннины, правившаго церковію около середины разсматриваемаго столѣтія. Онъ учился сначала въ какой то школѣ въ Яннинѣ, а потомъ въ Навпли у извѣстнаго своею просвѣтительною дѣятельностію въ качествѣ великаго ритора при патріархѣ—у Іоанна Зигомала. О немъ говорятъ, что онъ зналъ языки арабскій, персидскій и турецкій и слылъ знатокомъ церковной музыки (т.-е. пѣнія). Впрочемъ свѣдѣнія наши объ Іоасафѣ, какъ человѣкѣ образованномъ, черпаются не изъ особенно надежнаго источника ³⁾. Относительно двухъ патріарховъ XVI вѣка мы остаемся въ нѣкоторой нерѣшительности—причислять ли ихъ къ личностямъ просвѣщеннымъ или же нѣтъ. Разумѣемъ Іоакима I, открывающаго своимъ патріаршимъ управленіемъ XVI вѣкъ, и Пахомія II, по прозванію Патеста, современника Іереміи II. Проф. И. И. Малышевскій въ своей докторской диссертациі при одномъ случаѣ называетъ Іоакима человѣкомъ „образованнымъ“. Но у греческаго лѣтописца этотъ самый патріархъ называется прямо „невѣжественнымъ“ (*ιδιώτης*) и совсѣмъ неопыт-

изъ константинопольскихъ патріарховъ не проповѣдовалъ слова Божія“.— „Проповѣдники въ Константинополѣ“ (Труды К. Д. Акад. 1880, II, 519).

¹⁾ Heineccii. Abbildung d. Griechisch. Kirche. I Theil, s. 41—42. Leipz. 1711.

²⁾ Gerlach. Türk. Tagebuch. s. 59. Γεδεών, 516; Turco—Graecia, p. 512.

³⁾ Δωρόθεος, σελ, 447. (Σάθα. Παράρτημα, 8) Γεδεών, 511.

нымъ (*νείος*)¹⁾. Въ другихъ греческихъ источникахъ какъ будто бы усвоется Іоакиму нѣкоторая степень образованія, но что-то слишкомъ нерѣшительно²⁾. Въ той же нерѣшительности остаемся мы и по отношенію къ Пахомію П. Историкъ Іероошей монемвасійскій прямо и рѣшительно объявляетъ Пахомія человѣкомъ „неграмотнымъ“ (*ἀγράμματος*). А въ доказательство онъ приводитъ слѣдующій фактъ: однажды потребовали патріарха Пахомія на судъ къ турецкому кадію (совершенно невѣроятное извѣстіе: скажемъ мы), патріарху сопутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля противъ этого послѣдняго и самъ историкъ Іероошей; у кадія—ужъ неизвѣстно почему — Іероошей далъ одну книгу Пахомію, чтобы онъ прочелъ что нибудь въ ней; но онъ не могъ этого сдѣлать; тогда Турки (sic!) признали его невѣжественнымъ и не заслуживающимъ быть патріархомъ³⁾. Вся эта

1) Проф. Малышевскаго „Мелетій Пигасъ“, 14. *Hist. Patriarchica*, p. 135.

2) Мелетій Аѳинскій (*ἐκκλησ. ιστορία*, III, 339) называетъ Іоакима: *ἀγαθός τὴν γνώμην*, но это выраженіе составляетъ лишь перифразъ другаго выраженія, находящагося въ *Hist. Patr.*: *πολλὰ χρησιμώτατος* и опредѣляющаго характеръ этого патріарха; но не имѣющаго никакого отношенія къ вопросу объ образованности Іоакима. Такую замѣну сейчасъ упомянутого выраженія изъ *Hist. Patr.* сдѣлалъ раньше Мелетій—Кигала; у него вмѣсто сейчасъ указанныхъ словъ читаемъ: *χρησιμὸς εἰς τὴν γνώμην*, но вариантъ Кигалы (сел. 453), повидимому усвоенный Мелетіемъ, не уподобивъ намъ отбрасывать ту характеристику Іоакима, какая принята нами выше на основаніи *Hist. Patr.* — Вообще очень любопытно наблюдать на примѣрѣ Іоакима то, какъ иногда въ наукѣ извращаются показанія первоисточниковъ: *Hist. Patr.* говоритъ объ Іоакимѣ: *ιδιώτης, πολλά χρησιμώτατος*; До(Іе)роошей удерживаетъ первое слово, но вмѣсто двухъ остальныхъ вставляетъ: *χρησιμὸς καὶ καλός* (434); Кигала уже пропускаетъ слово *ιδιώτης*, а къ выраженію *χρησιμὸς* (взятому изъ Іероошей) прибавляетъ отъ себя *εἰς τὴν γνώμην*; Мелетій Аѳинскій, имѣя подъ руками Кигалу, дѣлаетъ дальнѣйшую поправку, и у него получается *ἀγαθός τὴν γνώμην*; Мата (I, 621) уже прямо и безъ церемоніи пишетъ: „Іоакимъ зрѣлый (*γῆραιός*) по разсудительности, *ученый*“; у проф. Малышевскаго (вѣроятно, на основаніи Маты), какъ сказали, онъ именуется просто, но ясно: „образованнымъ“, что должно быть переводимо греческимъ словомъ *παιδευμένος*, означающимъ одну изъ высшихъ похвалъ. Такъ мало по малу „идіотъ“ превращается въ „образованнѣе“. Кругъ развитія характеристики замкнулся, крайности сошлись; дальше идти не куда. Остается возвращаться назадъ, въ XVI вѣкѣ—и давно пора.

3) *Λογόθεος*, сел. 451 (*Σάφα. Παράρτημα*, 13). Этотъ авторъ, нужно сознаться, есть одинъ изъ опаснѣйшихъ подводныхъ камней, какихъ долженъ

исторія разсказанная очевидцемъ (!) Герооємъ, намъ кажется донельзя нелѣпою. Если бы патріархъ и въ самомъ дѣлѣ не прочелъ ничего изъ книги, какую подсунулъ ему Героою, въ этомъ не было бы ничего удивительнаго: Пахомій могъ не послушаться Героою, по сознанию своего достоинства; но главное дѣло не въ томъ: Героою подсунулъ Пахомію сочиненія Оомы Аквината, — значитъ латинскаго писателя. Удивительно ли, что Пахомій не прочелъ по латыни, не зная латинскаго языка? Да и Турки что за судьи въ томъ — образованъ или необразованъ Пахомій? Турки и по гречески то не понимали, не говоря ужъ о латинской философіи. Весь разсказъ Героою — очевидца, замѣтьте — намъ кажется чистѣйшею выдумкою. Во первыхъ раньше того Пахомій былъ митрополитомъ Кесарійскимъ. Можно ли представить себѣ митрополита человѣкомъ совсѣмъ невѣжественнымъ, какъ хочетъ увѣрить въ томъ Героою? А главное: есть свидѣтельство, которое приводитъ Гедеонъ, и изъ котораго видно, что едва ли не нашъ Пахомій раньше, чѣмъ сдѣлаться патріархомъ, былъ учителемъ математики и философіи у самого султана Махмута III¹⁾. Итакъ, не смотря на показаніе современника и очевидца событій константинопольскихъ конца XVI вѣка, мы полагаемъ, что Пахомій II былъ скорѣе человѣкомъ образованнымъ, чѣмъ невѣждою: возможно впрочемъ, что Пахомій былъ не силенъ по части богословія. — Къ числу патріарховъ малообразованныхъ или даже совсѣмъ необразованныхъ, въ XVI вѣкѣ, слѣдуетъ относить двухъ лицъ: Іеремію I и Θεоплипта II. Іеремія, родомъ изъ селенія близъ Яннины, управлявшій церковію долгое время въ первой половинѣ XVI вѣка, былъ человѣкомъ „необразованнымъ и не получилъ надлежащаго воспитанія“. Это свидѣтельство принадлежитъ Героою. Правда, этотъ писатель рѣдко надеженъ въ своихъ извѣстіяхъ, но на этотъ разъ съ нимъ нельзя не согласиться. Греческій лѣтописецъ (авторъ Hist. Patriarch.) очень подробно говоритъ о жизни и дѣятельности Іереміи,

боятся историкъ нашего времени. Со стороны недобросовѣстности (о которой много придется говорить намъ ниже) мы не знаемъ съ кѣмъ бы и сравнить его: лучше всего его сравнить съ современными намъ, такъ называемыми, *разбойниками пера*.

¹⁾ Гедеонъ, стр. 526.

по ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ его прикосновенности въ наукѣ; онъ больше всего упираетъ на то, что этотъ патриархъ былъ миролюбивъ и весьма смирененъ ¹⁾. Что касается Θεολипта, современника Іереміа II, то его Іерооѳей называетъ, какъ и Іеремію I, человѣкомъ „необразованнымъ“. Думаемъ, что и на этотъ разъ указанный греческій историкъ правъ, какъ это можно выводить изъ того, что М. Гедеонъ, несомнѣнно нежелающій раздѣлять многихъ воззрѣній Іерооѳея, не рѣшается однакожъ ничего сказать въ пользу просвѣщенности разсматриваемаго патриарха; правда онъ говоритъ, что Θεολиптъ зналъ по турецки, но знать въ Турціи по турецки—т.-е. умѣть объясняться на этомъ языкѣ—дѣло не великое ²⁾.

При изученіи какого бы то ни было высоко-культурнаго народа, чѣмъ дальше движется его исторія, тѣмъ яснѣе обнаруживаются прибытки знаній, тѣмъ замѣтнѣе становится прогрессъ мысли и умственного развитія; повидимому, не совсѣмъ такъ идетъ дѣло въ греко-восточной церкви. Наприм. XVII вѣкъ, къ обзору патриарховъ котораго съ ихъ интеллектуальной стороны мы теперь приступаемъ, не только не богаче фактами, свидѣтельствующими о умственномъ преспѣяніи константинопольской патриархіи, чѣмъ XV и XVI вѣка, но даже и еще бѣднѣе. По крайней мѣрѣ, наши старанія дать читателю точный отчетъ о состояніи патриарховъ этого, XVII вѣка, въ интеллектуальномъ отношеніи,—привели насъ, какъ окажется сейчасъ, къ результатамъ очень ничтожнымъ. Источники, изъ которыхъ можно бы черпать нужный матеріалъ и малочисленны, и очень мало-содержательны. Да и самая жизнь церковныхъ руководителей, кажется, не блистала разнообразіемъ религіозно-умственныхъ интересовъ и не отличалась благороднѣйшими порывами, направленными къ просвѣщенію народа.

Число патриарховъ константинопольскихъ XVII вѣка, о которыхъ можно говорить съ полною увѣренностію, какъ о лицахъ дѣйствительно просвѣщенныхъ, замѣчательно скудно, Выше всѣхъ, кажется, стоялъ въ этомъ случаѣ извѣстнѣйшій патриархъ, возсѣдавшій на патриаршей каѳедрѣ въ началѣ этого вѣка—это Кириллъ Лукарь. Но по нѣкоторымъ

¹⁾ *Λογόθεος*, 444. *Παράρτησις*, σελ. 3) Cf. Hist. Patriarch., 153.

²⁾ *Λογόθεος*, 452 (*Σύθσις Παράρτ.*, 14). *Γεδεών*, 548.

обстоятельствамъ его жизни, служащимъ предметомъ спора въ наукѣ, мы намѣрены въ послѣдствіи говорить о немъ подробно. А потому, теперь, скажемъ о Кириллѣ, какъ представительъ духовнаго просвѣщенія лишь вскользь. Ограничимся слѣдующими двумя отзывами, найденными нами у двухъ иностранныхъ авторовъ относительно этого знаменитаго мужа. Извѣстный издатель очень важныхъ памятниковъ, имѣющихъ значеніе въ исторіи греческой церкви (*Monumenta fidei ecclesiae orientalis*) говоритъ о Кириллѣ Лукарѣ: „онъ отличался замѣчательною любовію къ наукѣ, по учености онъ стоялъ выше своего вѣка и своихъ современниковъ въ Греціи, онъ имѣлъ близкое знакомство съ сочиненіями германскихъ ученыхъ; это былъ вѣрный стражъ той церкви, въ которой онъ былъ предстоятелемъ, охранявшій церковь отъ всякаго суевѣрія, онъ былъ презрителемъ и искоренителемъ невѣжества“¹⁾. Положимъ, такой отзывъ нельзя назвать вполнѣ безпристрастнымъ; но несомнѣнно онъ вѣрно намѣчаетъ основныя черты, изъ которыхъ слагается интеллектуальный образъ Кирилла. Другой тоже, какъ мы сказали, иностранный писатель такъ пишетъ о Кириллѣ: „онъ понималъ высокое значеніе народнаго греческаго языка, онъ далъ возбужденіе къ тому, чтобы св. Писаніе чрезъ переводъ его на новогреческій языкъ сдѣлать общедоступнымъ для народа; горячая и сильная борьба, которая ознаменовала его жизнь, дала его сочиненіямъ (?) искренность и глубину, которыхъ до сихъ поръ здѣсь не знали“²⁾. Но перечислимъ другихъ патріарховъ того же вѣка, на которыхъ нужно смотрѣть какъ на лицъ, выдающихся по своей образованности. Современникъ Кирилла Лукаря Аѳанасій Пателларій вызвалъ у М. Гедсона слѣдующаго содержания отзывъ: Аѳанасій, родомъ изъ Крита, „былъ мужъ образованный, знатокъ эллинскаго (т.-е древняго) и латинскаго языка, проповѣдникъ слова Божія, философъ, филологъ и поэтъ“³⁾. Къ сожалѣнію, эта очень лестная характеристика Пателларія основывается на нѣскольکو мутномъ источникѣ— на Димитріи Прокопѣ, знанія котораго были очень огра-

¹⁾ Kimmel. *Monumenta...*, prolegomena p. XXXVII. Pars I. Jenae 1850.

²⁾ Mendelssohn—Bartoldy. *Geschichte Griechenlands*. Th. I, s. 23. Leips. 1870.

³⁾ Гедсѡнъ, сел. 559.

ничены и отзывы котораго ничѣмъ не подкрѣплены серьезно ¹⁾. Но мы не станемъ на тотъ разъ спорить ни съ Гедеономъ, ни съ Прокопіемъ, изъ опасенія лишиться и послѣднихъ своихъ руководителей при изученіи темноватаго XVII вѣка ²⁾. Затѣмъ, отъ начала XVII вѣка перенесемъ прямо къ его концу. Здѣсь встрѣчаемъ троихъ патріарховъ, которымъ слѣдуетъ дать мѣсто въ нашемъ изчисленіи просвѣщеннѣйшихъ патріарховъ. И прежде всего скажемъ о патріархѣ Діонисіи IV Музелімѣ - Комнинѣ. Онъ былъ родомъ изъ Константинополя, учился въ патріаршей академіи, считался мужемъ просвѣщеннымъ. Онъ славился въ качествѣ проповѣдника, не отпускаяшаго безъ поученія народъ во всѣ праздничные дни. Діонисій собралъ хорошую бібліотеку, которую пожертвовалъ при жизни въ Иверскій монастырь на Аѳонѣ ³⁾.—Каллиникъ II, Акарнанскій. Родившись въ селеніи близъ Аграфы, онъ получилъ образованіе подъ руководствомъ славнаго въ то время наставника Евгенія Этолійскаго. О Каллиникѣ, какъ чловѣкѣ просвѣщенномъ, есть нѣкоторыя подробности у Димитрія Прокопія, но ими не рѣшается пользоваться Гедеономъ, а еще меньше склонны къ тому же мы ⁴⁾. Такъ кратки наши свѣдѣнія о Каллиникѣ, еще короче они о Неофитѣ IV. Неофитъ, поставленный въ патріархи изъ митрополитовъ адрианопольскихъ, отличался своимъ образованіемъ въ сонмѣ современныхъ ему архіереевъ, но дальнѣйшихъ подробностей мы не имѣемъ ⁵⁾. Исторія знаетъ очень немногихъ патріарховъ XVII вѣка, которыхъ можно причислять къ лицамъ образованнымъ. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ можетъ служить то обстоятельство, что за то и упоминанія о малообразованныхъ іерархахъ константинопольскихъ, XVII вѣка, тоже очень рѣдки. Съ полною ясностью въ этомъ отношеніи говорится въ источникахъ собственно объ одномъ патріархѣ — Гавріилѣ II. Этотъ

¹⁾ *Διηγησίον Προκοπίου. "Επιτετημένη ἐκασίθμησις τῶν λογίων Γραικῶν*: Sathas: Bibl. Gr. III, 485.

²⁾ Этотъ патріархъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ лично посѣщалъ Русь. См. о немъ статью проф. Н. Θ. Каптерева: „Чтенія въ Обществѣ Любителей духовнаго просвѣщенія“, 1889 г.

³⁾ *Γεδεῶν*, 595. *Μελετίου*, III, 463. Сf. *Προκοπίου*, σελ. 482.

⁴⁾ *Γεδεῶν*, 607. Сf. *Προκοπίου*, 482.

⁵⁾ *Γεδεῶν*. 608.

Гавріиль II возведенъ на патріаршую кафедру изъ митрополитовъ ганскихъ, занималъ ее въ самой срединѣ XVII вѣка. Былъ онъ человѣкомъ „совершенно (*Τελείως*) непричастнымъ наукѣ“. О немъ рассказываютъ, что когда ему, въ бытность патріархомъ, пришлось разъ совершать бракъ какого то константинопольскаго архонта (т. е. барина), то онъ такъ худо прочиталъ молитвы, что его вскорѣ отставили отъ должности за малограмотность ¹⁾. Впрочемъ и о патріархѣ Пареніи IV Монгилалѣ (былъ преемникомъ Гавріила II) въ одномъ источникѣ замѣчается, безъ указанія доказательствъ, что онъ былъ человѣкомъ „неграмотнымъ и простымъ“ ²⁾.

Если бы мы стали принимать во всей точности свидѣтельства касательно значительной образованности константинопольскихъ патріарховъ XVIII вѣка, къ обзору котораго мы теперь обращаемся, то впади бы въ значительную ошибку и преувеличенія. Судя по историческимъ показаніямъ, относящимся къ XVII вѣку, въ эти времена мало было патріарховъ просвѣщенныхъ; а судя по тѣмъ же показаніямъ, относящимся къ слѣдующему XVIII вѣку, выходитъ, что въ эти времена почти всѣ константинопольскіе іерархи стояли на значительной степени образованности. Возможно ли себѣ представить, чтобы такъ необыкновенно былъ счастливъ XVIII вѣкъ по сравненію съ предшествующимъ, когда у насъ рѣчь идетъ о степени просвѣщенности указанныхъ патріарховъ? Мы думаемъ, что на самомъ дѣлѣ не было большой разницы по отношенію къ образованію между патріархами XVII и XVIII вѣковъ; потому что XVIII вѣкъ не создавалъ никакихъ *особенно* благоприятныхъ условій для богословскаго развитія Грековъ. Дѣло объясняется гораздо проще: источниковъ касательно исторіи греческой церкви XVII вѣка въ наукѣ извѣстно мало, поэтому-то и мало мы имѣемъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности патріарховъ этого вѣка; напротивъ XVIII вѣкъ той же церкви по части источ-

¹⁾ *Μελετίου*. III, 466. *Δοσιθέου*. *Ἱστορία περὶ τῶν πατριαρχευσάντων*, σελ. 1176.

²⁾ См. недавно изданныя, до сихъ поръ неизвѣстныя въ печати, отрывки изъ „Исторіи“ Досіея Іерусалимскаго. *Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας*. Τομ. I, σελ. 276. Петерб., 1891.

никовъ много богаче, а потому наши свѣдѣнія о жизни и дѣятельности патріарховъ гораздо обильнѣе. А главнѣе всего то, что источники XVIII вѣка сильно прикрашиваютъ дѣйствительность: отъ того-то такъ и много извѣстій, очень благопріятныхъ для интеллектуальной репутаціи патріарховъ. Если дѣло просвѣщенія въ этомъ послѣднемъ вѣкѣ и подвинулось впередъ, то лишь на самую малость. Впрочемъ съ нашей стороны было бы слишкомъ смѣло отрицать разсматриваемыя показанія источниковъ относительно патріарховъ XVIII вѣка. Мы съ соблюденіемъ возможнаго безпристрастія исчислимъ всѣхъ патріарховъ этого вѣка, о просвѣщенности которыхъ сохранились болѣе или менѣе благопріятныя извѣстія. Наше дѣло считаемъ достаточно выполненнымъ, если мы станемъ отмѣчать при случаѣ ужъ слишкомъ явныя преувеличенія въ показаніяхъ источниковъ. — Патріархъ Аѳанасій V. Онъ родился въ Критѣ, правилъ церковію въ началѣ вѣка и былъ возведенъ въ патріаршій санъ изъ митрополитовъ адрианопольскихъ. Былъ мужъ, какъ о немъ говорятъ, образованный, знатокъ эллинскаго, арабскаго и латинскаго языка, отличный музыкантъ (т. е. пѣвецъ). Хотя эта характеристика заимствуется Гедеономъ изъ Димитрія Прокопія, писателя, какъ мы уже упоминали, не особенно авторитетнаго, тѣмъ не менѣе она находитъ себѣ подтвержденіе въ словахъ историка Вендотиса, который говоритъ, что Аѳанасій старался знакомиться съ иностранными книгами и самъ переводъ на греческій языкъ четырех-язычный Менискіевъ лексиконъ ¹⁾. Кирилль IV, родомъ изъ Лесбоса,

¹⁾ *Γεδεών*, 119. *Α. Προκοπίου, Ἐπαρίθμησις*, σελ. 483. *Βενδότου. Προσθήκη τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας Μελετίου Ἀθηῶν* („Прибавленіе къ Церковной исторіи Мелетія Аѳинскаго“. Иногда цитируется еще какъ 4-я часть *Церк. ист. Мелетія*), Вѣна, 1795 г. Хотя имя Георгія Вендотиса уже встрѣчалось въ нашемъ трудѣ, но объ его названномъ сочиненіи еще не было у насъ рѣчи; поэтому прервемъ на пѣкоторое время наше изслѣдованіе о патріархахъ, чтобы сообщить хоть немногія свѣдѣнія о Вендотисовомъ „Прибавленіи“. Книга эта заслуживаетъ вниманія. Кстати замѣтимъ, что о „Прибавленіи“ Вендотиса мы ничего не сказали въ своемъ мѣстѣ, т. е. при „Обзорѣ источниковъ“ по той извинительной причинѣ, что только на дняхъ (въ текущемъ 1894 г.) получили это сочиненіе изъ далекаго отъ насъ Константинополя. Въ Россіи съ этимъ сочиненіемъ, кажется, никто не знакомъ, по крайней мѣрѣ мы не видавали цитатъ изъ него въ ученыхъ трудахъ нашего отечества. Книга Вендотиса значить есть для насъ такъ ска-

преемникъ Аѳанасія V-го, получилъ у греческихъ писателей тоже лестную репутацію какъ человѣкъ солидный по образованію. Гедеонъ говоритъ, что онъ славился какъ чело-

затъ: старая новинка. О личности самаго греческаго историка распространяться много нечего. Родомъ изъ Закина, онъ получилъ хорошее образованіе въ итальянскихъ университетахъ, потомъ проводилъ жизнь въ Вѣнѣ, Пештѣ и Венеціи, занимаясь чѣмъ пришлось — напр. воспитаніемъ дѣтей въ частныхъ греческихъ домахъ. Когда нѣкто Лампаничіотисъ случайно открылъ рукопись церковной исторіи Мелетія Аѳинскаго, то Вендотисъ взялъ на себя, по порученію этого перваго, трудъ приготовить указанную рукопись къ изданію ея въ свѣтъ. Впослѣдствіи онъ завелъ въ Вѣнѣ свою типографію, гдѣ между прочимъ напечаталъ собственный свой церковно-историческій трудъ, подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ: „Прибавленіе къ церк. Ист. Мелетія“. (*Σύζα. Νεωλλ. φιλολογία*, 559—560). Извѣстно (см. „Обозр. источниковъ“), что Мелетій довелъ церковную исторію до начала XVIII вѣка; для времени, до котораго дожилъ Вендотисъ, она поэтому представлялась далеко неполной. Это побудило его составить продолженіе Мелетіева труда, которое у него доведено до того года, когда напечатано это продолженіе. Такъ возникло и появилось въ свѣтъ „Прибавленіе къ Мелетіевой исторіи“ или 4-й томъ этой исторіи. Всѣ хлопоты по изданію и отысканію средствъ на типографскіе расходы взялъ на себя Лампаничіотисъ, которому, какъ видно изъ предисловія къ „Прибавленію“, эти хлопоты были не легки. Здѣсь онъ жалуется на многія трудности, препятствія, неспріятности, расходы и даже враждебное отношеніе къ нему (все это весьма вѣроятно); затѣмъ онъ указываетъ, что всѣ расходы по типографіи взялъ на себя тогдашній господарь Валахіи Морузи (фанариотъ, конечно. Нельзя не быть благодарнымъ и намъ, историкамъ, въ отношеніи къ этимъ фанариотамъ); ксатѣи или совѣтъ не ксатѣи издатель въ томъ же предисловіи внушаетъ читателю купить и этотъ четвертый томъ церковной исторіи въ добавокъ къ прежнимъ тремъ Мелетіевымъ томамъ, указывая на то, что въ такомъ случаѣ у читателя будетъ законченное и обхватывающее всѣ времена сочиненіе (это ужъ нѣсколько по торгашески!). Жаль, что самъ Вендотисъ ни словомъ не отозвался въ предисловіи къ своему же собственному произведенію. А намъ многое желалось бы услышать отъ него, напр. какими источниками онъ пользовался? Много ли ихъ было у него? Какого они были достоинства? Какъ онъ ихъ классифицировалъ? и пр. Вендотисъ всего этого не сдѣлалъ, и потому мы часто недоумѣваемъ: откуда имъ взято то или другое извѣстіе или разсказъ, или та или другая характеристика. Что касается вопроса, наиболѣе насъ интересующаго — о патріархахъ константинопольскихъ XVIII вѣка, описанныхъ въ книгѣ Вендотиса, то мы должны сказать слѣдующее: свѣдѣнія о патріархахъ до Самуила I (до 60-хъ годовъ столѣтія) достаточно обстоятельны, но за то остальные патріархи отъ Самуила до Герасима, описаны авторомъ чрезвычайно кратко, и чѣмъ ближе время къ той эпохѣ, когда издана книга, тѣмъ свѣдѣнія о патріархахъ становятся все скуднѣе и скуднѣе; послѣдніе патріархи, о которыхъ пишетъ Вендотисъ, только поименованы. Отчего

вѣкъ „образованный и знатокъ Св. Писанія“. Къ сожалѣнію, эта характеристика взята греческимъ ученымъ изъ Димитрія Прокопія и ничѣмъ серьезно не подтверждается ¹⁾. Преемникомъ Кирилла IV былъ Косма Ш. Родомъ изъ Хризополя Виоинскаго, онъ былъ не лишень какъ свѣтской, такъ и богословской образованности. Этотъ отзывъ извлекается изъ Димитрія Прокопія, но этотъ послѣдній къ этой характеристикѣ присоединяетъ еще такъ много похвалъ патриарху Космѣ за его просвѣщенность, что разборчивый историкъ не возьмется повторять ихъ: не дѣлаетъ этого и Гедеонъ ²⁾. За Космой слѣдуетъ въ порядкѣ константинопольскихъ патриарховъ Іеремія Ш, тотъ самый Іеремія, по инициативѣ котораго прислано было къ намъ въ Россію при Петрѣ I на греческомъ языкѣ „исповѣданіе православной вѣры католической церкви“, получившее потомъ значеніе въ каче-

зависѣла такая разница въ отношеніяхъ автора къ патриархамъ до Самуила и послѣ Самуила остается неяснымъ. Во всякомъ случаѣ свѣдѣнія даваемыя Вендотисомъ о патриархахъ, въ особенности когда они болѣе или менѣе подробны, очень цѣнны для науки. Его характеристики типичны и цѣльны; быть можетъ, они нѣсколько суровы и желчны, но мы не имѣемъ достаточныхъ основаній сомнѣваться въ ихъ правдивости. Языкъ, какимъ авторъ характеризуетъ патриарховъ, отличается лаконизмомъ, имѣющимъ многія достоинства: въ немногихъ мѣткихъ словахъ Вендотисъ иногда даетъ больше, чѣмъ сколько другой писатель умѣститъ на цѣлой страницѣ. Наука ничего не проиграла отъ того, что Мелетія продолжилъ Вендотисъ. Греческою богословскою средой исторія патриарховъ у Вендотиса оцѣнена по достоинству: ею пользовались въ наукѣ и будутъ пользоваться. Замѣчательно, что трудъ Вендотиса имѣетъ форматъ, шрифтъ и бумагу совершенно такіе же, какіе мы видимъ и въ трехъ томахъ церковной исторіи Мелетія: сочиненіе Вендотиса по праву названо въ заглавіи и называется въ цитатахъ другихъ ученыхъ 4-мъ томомъ Мелетія. Но замѣчательнѣе всего то, что Вендотисъ пишетъ тѣмъ же самымъ языкомъ, какимъ написана церковная исторія Мелетія. Отчего происходитъ такое сходство? Намъ кажется не отъ того, что Вендотисъ подражалъ Мелетію, а отъ того, что исторія Мелетія, найденная, какъ мы думаемъ, не въ обработанномъ— съ формальной стороны — видѣ (см. „Обзоръ источниковъ“), подверглась стилистической переработкѣ во вкусѣ нашего автора, т. е. Вендотиса. Полагаемъ, что едва ли кто найдетъ нашу характеристику книги Вендотиса излишнею, ибо если церковная исторія греческой церкви должна стать настоящей наукой, то эта послѣдняя и можетъ начинаться только съ болѣе или менѣе серьезнаго изученія самыхъ источниковъ.

¹⁾ Γεδεών, σελ. 620. Προκοπίος, σελ. 494.

²⁾ Γεδεών, σελ. 623. Προκοπίου, σελ. 494.

ствѣ символическаго вѣроучительнаго памятника для нашей церкви. Іеремію, который родомъ былъ съ Патмоса, Гедеонъ называетъ человѣкомъ, хорошо образованнымъ; но къ сожалѣнію константинопольскій историкъ свое сужденіе основываетъ какъ будто бы на словахъ Димитрія Прокопія, а словамъ этого Прокопія мы не расположены давать много вѣры. Очень жаль, что Гедеонъ не указалъ: не имѣлъ ли онъ въ своемъ распоряженіи еще какого-нибудь свидѣтельства въ пользу хорошей образованности Іереміи, кромѣ Прокопіева показанія ¹⁾). Еще болѣе лестный отзывъ можно встрѣчать о патріархѣ Каллиникѣ III, родомъ съ Наксоса. Предполагаютъ, что онъ учился въ патріаршей константинопольской академіи; во всякомъ случаѣ извѣстно, что въ началѣ XVIII вѣка онъ былъ сшолархомъ (ректоромъ) въ этой академіи. Каллиникъ, какъ о немъ говорятъ, былъ мужъ многоученный, знатокъ эллинской словесности, священно-проповѣдникъ, философъ (?) и свѣдущъ по части толкованія св. Писанія. Въ существѣ дѣла Каллиника едва ли можно причислить къ подлиннымъ патріархамъ столицы, ибо онъ умеръ внезапно отъ радости, что его избрали на такую высокую должность, умеръ, сдѣлавшись жертвой апоплексіи ²⁾), въ 1726 году. Отзывы объ одномъ изъ ближайшихъ преемниковъ Каллиника по патріархин — Серафимѣ I, родомъ изъ Кастанеи, очень хороши, но ужъ чрезвычайно кратки и ничѣмъ не подкрѣплены. Научно образованный и даже ученый—вотъ какое высокое значеніе приписывается Серафиму ³⁾). Въ срединѣ XVIII вѣка патріаршую кафедру украшалъ еще другой Каллиникъ, IV, родомъ изъ Загоры въ Фессалии. Церковный историкъ XVIII вѣка Сергій Макрей необыкновенно высоко ставитъ просвѣщенность Каллиника. Въ одномъ случаѣ онъ называетъ его мужемъ „образованнымъ“, а въ другомъ даже „многоученѣйшимъ между лицами учеными и образованными“, прибавляя при этомъ, что онъ былъ „жаркимъ ревнителемъ православныхъ догматовъ“. Икономость, кромѣ того, сообщаетъ, что онъ написалъ исто-

¹⁾ *Προκοπίου*, σελ. 493. *Βενδότου*, σελ. 6 (последній по Д. Прокопію). *Γεδεών*, 622.

²⁾ *Γεδεών*, 627—628. (Но основанія для благоприятнаго отзыва для насъ остаются не ясны).

³⁾ *Βενδότου*. *Προσθήκη*, σελ. 85. *Γεδεών*. 632.

рію константинопольскихъ патріарховъ отъ временъ Геннадія (Схоларія) до эпохи, когда жилъ Каллиникъ, но что исторія эта въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія оставалась еще не изданною ¹⁾). Объ указанномъ трудѣ Каллиника мы ничего не знаемъ. Преемникомъ Каллиника IV былъ Серафимъ II, родомъ изъ Эпира, „любитель наукъ“, заботившійся о развитіи церковнаго проповѣдыванія, интересовался обществомъ умныхъ и образованныхъ людей и охотно велъ съ ними бесѣды. Онъ устроилъ такъ называемую патріаршую философскую школу въ Константинополѣ, которая имѣла четырехъ профессоровъ, между которыми видное мѣсто занималъ Евгеній Булгарисъ; но эта школа недолго процвѣтала. Макрей замѣчаетъ, что благодаря сей часъ указанной школѣ „Фанарь сдѣлался Аѳинополемъ“, но безъ сомнѣнія это только гипербола ²⁾). Немного спустя послѣ Серафима II на кафедрѣ константинопольскую восходитъ Самуиль I Ханцерисъ, родомъ византіецъ, одинъ изъ самыхъ дѣйствительно просвѣщенныхъ іерарховъ столицы, XVIII вѣка. Онъ учился въ патріаршей академіи, гдѣ и слушалъ уроки по греческой словесности и философіи, знакомъ былъ съ исторіей и свѣдуецъ въ богословіи. Самому ему приписываютъ очень большой умъ. Впослѣдствіи онъ является покровителемъ наукъ. „Возбуждалъ юношество къ приобрѣтенію знаній, поощрялъ переводы классическихъ новѣйшихъ сочиненій на языкъ греческій и самъ былъ писателемъ“. Макрей увѣряетъ, что Самуиль самъ ревностно проповѣдовалъ въ храмахъ и располагалъ другихъ къ той же дѣятельности. Вѣримъ, что Самуиль ревностно проповѣдовалъ слово Божіе; но что касается до поощренія другихъ, то строптивый характеромъ патріархъ едва ли умѣлъ это дѣлать съ тою любовію и съ тѣмъ снисхожденіемъ, безъ которыхъ поощреніе бываетъ малоуспѣшно. Преосв. Порфирій рассказываетъ слѣдующій фактъ: однажды въ патріаршей церкви (въ Константинополѣ) говорилъ надгробное слово въ присутствіи Самуила и многочисленныхъ христіанъ извѣстнѣйшій своимъ краснорѣчіемъ проповѣдникъ

¹⁾ Σέρου. Μακρταίος. Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία (Sathas. Bibl. III.), σελ. 222. 224. Γεδεών, 648. Μата, I, 798.

²⁾ Μακρταίος. Ἐκκλ. ἱστορία, σελ. 229. Γεδεών, 650. 653.

Никифоръ Θεοτοки. Но не понравилось ли это слово все-ленскому владыкѣ, потому ли, что робко было говорено молодымъ священнопроповѣдникомъ, или потому, что было очень длинно; но только случилось слѣдующее: патріархъ, приподнявшись съ своей кафедрѣ, сурово прервалъ проповѣдника и велѣлъ ему сойти съ амвона. Тотчасъ молодой монахъ замолкъ и вышелъ изъ церкви: такъ-то иногда патріархъ Самуиль поощрялъ молодыхъ проповѣдниковъ. Самуилу приписываютъ заботу объ умноженіи греческихъ элементарныхъ школъ ¹⁾. Къ разряду патріарховъ, несомнѣнно образованныхъ, должны быть причислены и двое іерарховъ константинопольскихъ, правившихъ церковью въ самомъ концѣ XVIII вѣка—Герасимъ III и Григорій V (последній и въ XIX вѣкѣ еще дважды восходилъ на патріаршую кафедру). О достаточной образованности Герасима (родомъ съ Кипра) свидѣтельствуется то обстоятельство, что патріархъ Самуиль назначилъ его въ свое время схолярхомъ (т. е. ректоромъ) патріаршей академіи и поручилъ ему преподаваніе греческой словесности, какъ человѣку удовлетворительно знакомому съ „аттическими музами“ (?). Аттестуя Герасима Самуиль письменно заявлялъ, что онъ „не нашелъ другаго, лучшаго схоларха“, помимо Герасима ²⁾. Григорій V, родомъ изъ Димицана въ Пелопониссѣ, получилъ основательное образованіе. Сначала онъ учился на родинѣ у двухъ іеромонаховъ, заправлявшихъ образованіемъ въ первоначальныхъ школахъ. Достигнувъ 20-ти лѣтняго возраста, онъ поѣхалъ въ Аѣны и здѣсь въ продолженіи двухъ лѣтъ проходилъ курсъ наукъ подъ руководствомъ Димитрія Водаса, написавшаго учебники по богословію и риторикѣ. Но на этомъ образованіи Григорія еще не закончилось. Онъ отправляется въ Смирну и поступаетъ въ такъ называемую евангельскую школу (эта школа православная и имѣла курсъ гимназіи). Закончилъ свое образованіе Григорій на Патмосѣ, гдѣ предметомъ изученія для него въ здѣшней школѣ были богословіе и философія. Сдѣ-

¹⁾ *Βενδοτίας, σελ.* 195—196. *Μαχρταίος.* 234. 24^ς, 260. *Γεδεών,* 657—658. Mauger: *Das Griech, Volk,* I. 429. Еписк. Порфирія: „Проповѣдники на оо. Средиземнаго моря“ (Труды К. Д. А., 1880, I, 207).

²⁾ *Γεδεών,* 673. *Γεδεών. Χρονικά της Πατριαρχικής Ακαδημίας,* σελ. 176. Константинополь, 1883.

лавшись патриархомъ, Григорій озаботился о распространеніи просвѣщенія въ греческомъ народѣ. Немедленно по вступленіи на святительскую кафедру въ Константинополь онъ разослалъ окружныя посланія Грекамъ о пользѣ образованія, учрежденіи школъ новыхъ и улучшеніи уже существующихъ. Повидимому, Григорій заботился не только объ устроеніи школъ, но и о томъ, чтобы эти школы имѣли извѣстное направленіе мысли. Къ послѣднимъ годамъ его правленія церковію относится окружное посланіе, въ которомъ онъ внушаетъ, чтобы изученіе философіи не сопровождалось вредомъ для цѣлости вѣры и чтобы философія находилась въ подчиненіи „отцепреданному благочестію“. Смыслъ этого циркуляра конымается различно: одни выводятъ отсюда заключеніе, что Григорій подь конецъ сталъ гасильникомъ просвѣщенія, другіе усматриваютъ въ этомъ циркулярѣ намѣреніе отклонить отъ греческихъ школъ подозрительное око Турокъ, наконецъ третьи понимаютъ его буквально, не вдаваясь въ толкованія. О Григоріи извѣстно, что онъ съ большою ревностію и очень часто произносилъ проповѣди. По смерти этого патриарха племянникъ его Ангелопуль собралъ сочиненія своего дяди и издалъ ихъ въ двухъ томахъ: судя по заглавіямъ этихъ сочиненій, между ними нѣтъ замѣчательныхъ ¹⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ XVIII вѣкѣ считается очень много образованныхъ патриарховъ константинопольскихъ. Но здѣсь еще исчислены не все патриархи, которыхъ выдаютъ за просвѣщенныхъ. О нѣкоторыхъ изъ тѣхъ патриарховъ, которыхъ выдаютъ за образованныхъ, мы сильно сомнѣваемся: дѣйствительно ли они принадлежатъ къ этому почетному классу. О нихъ теперь и скажемъ нѣсколько словъ. Сюда относятся двое патриарховъ Софроній II и Проконій. Софронія II (родиной котораго была деревенька близъ Дамаска), управлявшаго церковію въ послѣдней четверти XVIII вѣка, очень расхваливаетъ за образованность историкъ Сергій Макрей. Онъ называетъ Софронія умнымъ, свѣдущимъ, учительнымъ. Этотъ же писатель и Кесарій Далонте ²⁾ приписываютъ ему прекрасное

¹⁾ Σάφα. Νεοελλ. φιλολογία, 620, 622, 624. Γεβερ, 675. 685. Маты, II, 43. 48. 52—53.

²⁾ О Кесаріи Далонте и значеніи его сочиненія въ исторіографіи см. „Обзоръ Источниковъ“.

знаніе арабскаго и турецкаго языковъ. Первый изъ нихъ не знаетъ, какъ еще превознести проповѣдническій талантъ Софронія; онъ увѣряетъ, что каждое слово его и каждый оборотъ рѣчи были цѣлымъ поученіемъ; онъ же пишетъ, что проповѣдникъ отличался необыкновенною глубиною и вліяніемъ на слушателей: онъ будто бы обнаруживалъ „сла-достность, силу и умъ самого Іоанна Златоуста“. Всѣ эти черты, въ которыхъ описывается просвѣщенность Софронія, намъ кажутся очень подозрительными. Прежде всего, мы, не безъ причины, мало знаемъ о томъ, гдѣ обучался и умственно развивался Софроній. Макрей говоритъ, что онъ курсъ обученія проходилъ въ Іерусалимѣ; но объ іерусалимскихъ школахъ XVIII вѣка никакъ нельзя сказать, что онѣ были хороши. Значитъ, все его образованіе не превышало программы нисшихъ школъ. То вѣрно, что онъ обладалъ языками и турецкимъ и арабскимъ, но нельзя сомнѣваться, что это было знаніе не научное, а практическое, навыкъ говорить на этихъ языкахъ, навыкъ опредѣлявшійся родиной Софронія въ антиохійскомъ патриархатѣ (гдѣ, кромѣ языка турецкаго, былъ въ употребленіи и арабскій) и мѣстами его первоначальнаго церковнаго служенія—сначала митрополитомъ въ Халепѣ, а потомъ патриархомъ въ Іерусалимѣ (въ томъ и другомъ мѣстахъ элементъ арабскій былъ силенъ). Что касается его проповѣдничества, допустимъ, что онъ проповѣдывалъ безъ запинки и красно, то вѣдь это не есть плодъ образованія, а природныхъ способностей, привычки, силы воли и чтенія подходящихъ книгъ. Не даромъ Гедеонъ, не смотря на всѣ комплименты, какіе посылаетъ Макрей (и Дапонте) по адресу Софронія II, говоритъ о немъ, что онъ „причастенъ образованію“ и никакъ не больше — отзывъ болѣе, чѣмъ скромный. А мы съ своей стороны, зная, что Гедеонъ все же, хоть и немного, склоненъ (положимъ инстинктивно) выставить патриарховъ константинопольскихъ насколько можно въ приличномъ видѣ, считаемъ не безосновательнымъ указать и еще нѣсколько пишущую степень образованія, на какой стоялъ Софроній ¹⁾. Теперь скажемъ о па-

¹⁾ *Μακρῆτος*, 302, 306. 316. 321. *Δαπόντε(ς)*. *Κατάλογος ἱστορικὸς ἀνδρῶν ἐπισήμων* (Sathas. Bibl. Gr. III), σελ. 83 · 84. *Γεδεῶν*, 665.

тріархъ Прокопіи, правившемъ церковью на нѣсколько лѣтъ позже Софронія II. Родомъ изъ Пелопонисса, Прокопій, по отзыву Гедеона, является человѣкомъ образованнымъ и любителемъ науки. Но такой отзывъ намъ кажется преувеличеннымъ. Нужно представлять себѣ Прокопія стоящимъ много ниже дѣйствительно образованныхъ патріарховъ XVIII вѣка. Думаемъ, что, дѣлая свой отзывъ о Прокопіи, нашъ Гедеонъ не оцѣнилъ тѣхъ данныхъ, которыя можно почерпать изъ источниковъ. Называя Прокопія образованнымъ, Гедеонъ цитируетъ извѣстнаго намъ историка Сергія Макрея; но его цитатъ на этотъ разъ ошибоченъ. Макрей не можетъ быть поставленъ въ числѣ свидѣтелей, удостоверяющихъ фактъ образованности разсматриваемаго патріарха. Прежде всего, Макрей, конечно, не безъ цѣли упоминаетъ о томъ, что Прокопій происходилъ отъ самобѣднѣйшей семьи, которая, конечно, не могла и помышлять о надлежащемъ научномъ воспитаніи будущаго іерарха. Затѣмъ, тотъ же Макрей замѣчаетъ, что онъ воспитывался у брата своего, митрополита ганскаго и хорскаго. Больше ни о какихъ учителяхъ Прокопія у Макрея не говорится. Ясно дѣло, что Прокопій не получилъ сколько нибудь правильного и систематическаго образованія. Правда, Макрей называетъ этого патріарха: *φιλομαθής* (любителемъ науки или ученія), но этотъ терминъ указываетъ на склонности Прокопія, а не указываетъ на то: къ какому результату привели его эти склонности ¹⁾. Спрашивается: на какихъ же основаніяхъ можно признавать Прокопія человѣкомъ образованнымъ? А между тѣмъ Гедеонъ именуетъ его: *παιδευμένος* — настоящимъ образованнымъ человѣкомъ, ибо этотъ эпитетъ у греческихъ писателей употребляется только по отношенію къ лицамъ въ значительной и даже очень значительной степени—просвѣщеннымъ ²⁾? Итакъ и Прокопія,

¹⁾ *Γεδεών*, 670. *Μακρῆος*, 361—362.

²⁾ Этотъ похвальный отзывъ получился у Гедеона путемъ слѣдующей, имѣющей очень мало общаго съ истинною наукой, манипуляціи: о Прокопіи у Макрея говорится: *παιδευθεὶς παρὰ τῶ ἀδελφῶ*; изъ этихъ, ничего особеннаго не означающихъ, словъ получилась у Гедеона многозначительная характеристика патріарха: *παιδευμένος* (вотъ тебѣ разъ !!); еще: Макрей правда упоминаетъ, что Прокопій былъ *φιλομαθής*, но поставляетъ это слово на ряду съ слѣдующими: *φιλοδίκαιος*, *φιλάγαθος*, слѣдовательно онъ придаетъ первому эпитету несомнѣнно нравственное значеніе, а Геде-

подобно Софронію II, нельзя причислить къ патриархамъ, блиставшимъ научнымъ образованіемъ на константинопольской кафедрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, онъ былъ еще менѣе образованнымъ іерархомъ, чѣмъ Софроній.

Объ одномъ патриархѣ XVIII вѣка, Кириллѣ V, по прозванію Каракалосъ, до насъ дошли извѣстія столь смѣшаннаго характера, что затрудняешься: куда его причислить— къ достойнѣйшимъ ли по своему образованію іерархамъ, или же къ лицамъ противнаго лагеря? Время правленія этого патриарха падаетъ на средину XVIII вѣка. Родомъ изъ Навплии, онъ сначала учился въ монастырской школѣ въ Димитцѣ, а потомъ поступилъ въ очень извѣстную школу на Патмосѣ, но отсюда онъ былъ изгнанъ за свой неуживчивый характеръ (Гедеонъ). Выходить, какъ будто бы, что онъ неучъ, человѣкъ невѣжественный. Но однакожь патриаршая его дѣятельность не только не даетъ права на такой выводъ, но и склоняетъ какъ будто бы къ противоположному выводу. О немъ сообщаютъ, что къ лицамъ, составлявшимъ педагогическій персоналъ, онъ относился внимательно; заботился о развитіи способовъ общественнаго воспитанія и образованія и близко принималъ къ сердцу вопросъ о размноженіи школъ. Онъ сдѣлалъ то, чего никто до него изъ числа патриарховъ сдѣлать не догадался: устроилъ школу на горѣ Аѳонской и устроилъ ее очень хорошо, такъ что по гиперболическому выраженію современника она являлась чѣмъ то въ родѣ классической академіи или лицея (Икономосъ и Макрей). Но въ подробности о школѣ Аѳонской пускаться не станемъ: для этого будетъ еще случай. Все это прекрасно. Но историки (Гедеонъ) съ другой стороны указываютъ, что никто иной, какъ самъ же Кириллъ Каракалосъ и способствовалъ быстро послѣдовавшему упадку Аѳонской школы. Дѣло въ слѣдующемъ: лишенный патриаршей кафедры Кириллъ проживалъ на св. Горѣ, въ скитѣ св. Анны, и сталъ донимать преслѣдованіями лучшаго профессора Аѳонской академіи (какъ иногда называютъ разсматриваемую школу) и подготовилъ самую эту школу къ упадку ¹⁾.

онъ употребляетъ его для характеристики интеллектуальной фізіономіи патриарха.

¹⁾ *Μακραιοῦς*, 218 - 219. Мата, II, 796, *Γεδεώνου*, 642. 645. Очень странно:

Упомянемъ наконецъ о такихъ патріархахъ XVIII вѣка, которые по яснымъ свидѣтельствамъ принадлежали или къ малообразованнымъ, или же совсѣмъ необразованнымъ іерархамъ: нужно сознаться, что и въ XVIII вѣкѣ встрѣчались на столичной каѳедрѣ патріархи и этого послѣдняго разряда. Къ числу малообразованныхъ константинопольскихъ іерарховъ указаннаго вѣка слѣдуетъ отнести Гавріила III-го, правленіе котораго столичною церковію совпало съ первыми годами знаменитаго вѣка просвѣщенія. Родомъ изъ Смирны, Гавріиль III, по отзыву Гедеона „былъ причастникомъ посредственнаго образованія“. Но если мы прочтемъ тѣ строки изъ „Перечня“ ученыхъ Грековъ, который сочиненъ Д. Прокшіемъ, то увидимъ, что усилія этого писателя сказать хоть что нибудь въ похвалу просвѣщенности патріарха, кончаются полнѣйшей неудачей: замѣтно, что хвалить Гавріила ровно не за что, если станемъ оцѣнивать его личность по интеллектуальной ея сторонѣ ¹⁾. Тоже самое должно сказать о Мелетіи II (правиль церковію въ 60-хъ годахъ). Мелетій, родомъ съ о. Тенедоса, по словамъ М. Гедеона „не лишенъ былъ кой-какого образованія“. Разумѣется этого мало для такой важной особы, какъ патріархъ константинопольскій ²⁾. Прямо необразованными патріархами, относящимися къ XVIII вѣку, считаютъ Кипріана (правиль столичною церковію въ первыхъ годахъ вѣка). Онъ былъ иевѣжественъ—и пьяница (Вендотисъ) ³⁾. Другимъ и послѣднимъ необразованнымъ патріархомъ константинопольскимъ тѣхъ же временъ оказался Неофитъ VI, родомъ съ о. Патмоса, державшій въ своихъ рукахъ бразды перковнаго управленія нѣсколько раньше середины разсматриваемаго вѣка. По однимъ онъ былъ человѣкъ „не ученый“ (Гедеонъ), по другимъ—„простой и почти неграмотный (Вендотисъ). Значить и въ вѣкѣ „просвѣщенія“ на Западѣ, на

почему Гедеонъ и Вендотисъ совсѣмъ, если не ошибаемся, не упоминаютъ объ устройствѣ Кирилломъ недоговѣчной, но все же знаменитой Аѳонской школы или Академіи (иногда она же называется и гимназіей)?

¹⁾ *Προκοπίου*. 482—483. *Γεδεών*, 614.

²⁾ Повидимому свой отзывъ Гедеонъ (*σελ.* 661) дѣлаетъ на основаніи словъ Макрея (*σελ.* 273).

³⁾ *Βενδοτίας*, *σελ.* 5. Cf. Elssner: Fortsetzung der neuesten Beschreibung der Griech. Christen in der Türckei, s. 77, Berl. 1747.

Востокъ повторяются все прежніе примѣры невѣжества,— тамъ, гдѣ ему не должно быть мѣста ¹⁾).

О текущемъ, XIX, вѣкѣ въ разсматриваемомъ отношеніи скажемъ коротко. Это мы сдѣлаемъ изъ опасенія, что мелкота извѣстій и скрупулезность критики этихъ послѣднихъ—привнесенныя въ обзоръ и этого вѣка, могутъ слишкомъ утомить вниманіе читателя, потерпѣвшее достаточно испытанія и на предшествующихъ страницахъ. Первѣе всего мы станемъ говорить о патріархѣ XIX вѣка, по имени Константіи I. Мы отводимъ ему первое мѣсто не потому, чтобъ его правленіемъ открывался XIX вѣкъ исторіи греческой церкви—этого не было: Константіей патріаршествовалъ въ тридцатыхъ годахъ,—а потому, что имя это очень замѣчательно въ исторіи христіанскаго просвѣщенія въ Греціи. Константіей—это былъ дѣйствительно ученый патріархъ. Можно сказать, что по учености онъ былъ первымъ преемникомъ Геннадія Схоларія на патріаршей кафедрѣ Константинополя. Древняя столица византійскаго царства почти 300 лѣтъ не видала такого образованнѣйшаго патріарха, какимъ является Константіей. Константіей родился въ Константинополѣ въ 1770 году, сначала получилъ образованіе въ одной элементарной школѣ, а потомъ учился въ патріаршей академіи. Впослѣдствіи ему удалось кончить курсъ въ другой академіи, именно нашей Кіевской, куда направилъ его фельдмаршалъ Румянцевъ, познакомившійся съ Константіемъ въ Молдавіи. Въ Кіевской академіи будущій патріархъ учился четыре года и изучилъ здѣсь какъ философскія и богословскія науки, такъ и языки латинскій и славянскій: на русскомъ языкѣ онъ впослѣдствіи свободно изъяснялся и читалъ русскія богословскія сочиненія. По окончаніи образованія Константіей былъ возведенъ въ санъ архіепископа Синайскаго, но эта должность не заставляла его жить на горѣ Синайской, гдѣ конечно ему нечего было дѣлать. Считаясь архіепископомъ Синайскимъ и получая доходы, усвоенные этому іерарху (эти доходы получались главнымъ образомъ отъ такъ называемыхъ „приклоненныхъ“ богослужившей горѣ недвижимыхъ имуществъ въ разныхъ православныхъ странахъ), онъ жилъ однакожъ на прекрас-

¹⁾ Γεδεών, 634. Βενδότης, 86.

номъ о. Кипрѣ, гдѣ находился Синайскій метохій (подворье). Цѣлыхъ шесть лѣтъ прожилъ здѣсь Константій, пользуясь тишиной, досугомъ и превосходнымъ климатомъ. Любимымъ его занятіемъ была наука: онъ здѣсь ревностно изучалъ св. Отцевъ церкви, археологію—и въ особенности историковъ, къ которымъ онъ всегда питалъ преимущественную склонность. Въ 1811 году онъ перебрался на житье въ самый Константинополь, гдѣ тоже находился Синайскій метохій: на зиму онъ оставался въ этомъ метохіи, а весной и лѣтомъ проводилъ время на прекрасномъ о. Антигонѣ въ Мраморномъ морѣ. И теперь, живя въ Константинополѣ и на Антигонѣ, Константій всего болѣе занимался наукой въ томъ же самомъ направленіи, какъ и раньше. Синайскій метохій въ Константинополѣ еще до времени патриаршества Константія—сдѣлался по выраженію греческихъ писателей вторымъ Музеемъ (Аристотелевскимъ) и Академіей Наукъ въ Константинополѣ. Здѣсь можно было встрѣчать и патриарховъ, и архіереевъ, и сановныхъ политиковъ и вообще многихъ и многихъ: одни изъ посѣтителей Константія приходили затѣмъ, чтобы послушать его краснорѣчивую бесѣду, другіе затѣмъ, чтобы услышать отъ него полезный совѣтъ, а третьи затѣмъ, чтобы найти разрѣшеніе многихъ и разнообразныхъ вопросовъ научнаго свойства. Въ числѣ гостей Константія можно было видѣть и Русскихъ, интересовавшихся археологіей и исторіей, и эти посѣтители потомъ навсегда сохраняли память объ ученыхъ бесѣдахъ греческаго просвѣщеннаго архіерея и съ благодарностію сообщали своимъ соотечественникамъ о той научной помощи, какую находили у этого просвѣщеннаго мужа въ тѣхъ случаяхъ, когда искали и желали ея. Потомъ онъ избранъ былъ въ патриархи столицы, патриаршествовалъ однакожь онъ недолго (1830—1834 г.). Но и въ это недолгое время онъ немало сдѣлалъ въ интересахъ народнаго просвѣщенія. Онъ устроилъ въ Константинополѣ такъ называемыя школы взаимнаго обученія, одну изъ такихъ школъ онъ устроилъ на свой собственный счетъ въ Фанарѣ, положилъ основаніе для такъ называемой филологической коммерческой школы на о. Халки, и до нынѣ процвѣтающей. Много заботъ онъ употребилъ на то, чтобы привести въ лучшее состояніе и патриаршую Академію въ

Фанарѣ. Полезное патріаршествованіе Константія, какъ мы сказали, продолжалось около пяти лѣтъ. Послѣ того какъ онъ оставилъ патріаршую кафедру, Константіи возвратился къ прежней жизни патрона и воздѣлывателя науки. Мѣстомъ его пребыванія зимой былъ метохій въ столицѣ, а лѣтомъ дача на Антигонѣ. Книги и любознательные посѣтители составляли его общество. Пользуясь свободой и накопленными званіями, онъ составилъ нѣсколько историческихъ и археологическихъ сочиненій, списокъ которыхъ довольно длиненъ. Константіи достигъ глубокой старости, онъ умеръ въ 1859 году ¹⁾.

Само собою разумѣется, что рядомъ съ Константіемъ въ разсматриваемомъ отношеніи нельзя поставятъ никого изъ патріарховъ XIX вѣка. Правда о нѣкоторыхъ патріархахъ нашего вѣка сообщаются извѣстія, дающія право утверждать, что образованность и любовь къ наукѣ въ лицѣ того или другого константинопольскаго іерарха восходила на кафедру патріаршую, но такихъ личностей немного, да и немногое можно сказать въ похвалу ихъ интеллектуальной фізіономіи. Перечислимъ ихъ. Кирилль VI, родомъ изъ Адрианополя, учился въ здѣшнихъ школахъ, правилъ церковію въ первой четверти вѣка. Его называютъ любителемъ просвѣщенія и покровителемъ людей ученыхъ. Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько значительныхъ сочиненій. Ему приписываютъ устроеніе въ Константинополѣ музыкальной школы (пѣнія²⁾), въ которой дѣло велось по новымъ методамъ ³⁾. Къ числу сравнительно болѣе образованныхъ патріарховъ разсматриваемаго вѣка относятся еще: Хрисанъ, Агаѳангенъ и Іоакимъ III. Хрисанъ, родомъ изъ Македоніи, занималъ патріаршую кафедру въ 20-хъ годахъ, получилъ образованіе „въ цвѣтущихъ школахъ Козани и Фессалоники“. Преемникъ его Агаѳангель, родомъ адрианополецъ, называется мужемъ образованнымъ, былъ свѣдушъ въ языкахъ болгарскомъ, русскомъ (онъ нѣкоторое время жилъ въ Москвѣ), французскомъ и турецкомъ. Іоакимъ III, родомъ византиецъ, въ мірѣ имѣвшій у насъ неупотребляемое

¹⁾ Σάθα. *Νεοελληνική γιλολογία*, σελ. 741—743. *Γεδεών*, 689 - 690. Базиліи: Очерки Константинополя, часть II, 152—153 (Петерб., 1835).

²⁾ *Γεδεών*, σελ. 683, 684. Маты, II, стр. 51.

имя: Христось (*Χρῆστος*), правилъ церковію въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ. Онъ былъ знатокомъ языковъ турецкаго, волошкаго, нѣмецкаго. Важнѣйшею его заслугою нужно считать основаніе церковнаго журнала въ Константинополѣ: „Церковная Истина“. Этотъ журналъ служить богатымъ подспорьемъ въ развитіи богословской науки въ столицѣ Турціи ¹⁾.

О другихъ патріархахъ константинопольскихъ XIX вѣка и того немногаго нельзя сказать, что нами сойчасъ сказано о Хрисанѣѣ, Агаѣангелѣ и Іоакимѣ III. Ихъ образованіе было или едва-едва достаточное для того, чтобы занимать съ честію такое высокое мѣсто, какъ патріаршая кафедра въ славномъ Константинополѣ, или же—чего нельзя было бы и ожидать—они были положительно необразованными. Такъ, Анеимъ III (въ 20-хъ годахъ) имѣлъ лишь посредственное образованіе. (По другимъ, былъ „не очень образованнымъ человѣкомъ“). Анеимъ IV Вамвакисъ (въ 40-хъ годахъ) имѣлъ „достаточное образованіе“—достаточное—для чего?—Очевидно, для того, чтобы не считаться малообразованнымъ. О Анеимѣ VI (патріаршествовалъ въ тѣхъ же 40-хъ годахъ) говорится, что онъ причастенъ „нѣкоторому образованію“. Кириллъ VII (въ концѣ 50-хъ годовъ) извѣстенъ посредственнымъ образованіемъ—безъ указанія какихъ либо подробностей ²⁾.

Ниже сейчасъ перечисленныхъ патріарховъ по своему образованію стояли: Германъ IV и Іоакимъ II. Германъ IV, хотя во время своего патріаршества, въ 1844 году и основалъ извѣстную богословскую школу въ Константинополѣ на о. Халки, самъ получилъ лишь элементарное образованіе. Подобное свидѣтельство имѣемъ и о патріархѣ Іоакимѣ II: все его образованіе закончилось съ окончаніемъ имъ курса въ первоначальной школѣ (церковію управлялъ въ 60-хъ годахъ). О преемникѣ Германа Софроніи III встрѣчаемъ замѣтку, что онъ любилъ музыку и устроилъ школу церковнаго пѣнія ³⁾. Не слѣдуетъ ли отсюда, что объ его образованіи совсѣмъ нечего сказать?

¹⁾ Γεδεών σελ. 688—9; 707—708.

²⁾ Γεδεών, 686 (Маты II, 57), 694, 697, 699.

³⁾ Γεδεών, 695, 701—703.

Къ совершенно неученымъ патріархамъ въ XIX вѣкѣ относятся двое: Каллиникъ V и Іеремія IV. Управление Каллиника V церковію совпадаетъ съ первыми годами текущаго вѣка; хотя онъ и былъ человѣкомъ умнымъ (Икономось), но тѣмъ не менѣе былъ совершенно необразованъ (*ἀμαθής ἄνθρωπος*). Іеремія IV, при отличавшей его любви къ наукѣ и его умѣ (*σοφείας*) не имѣлъ образованія (къ нему прилагаются тѣже слова, какъ и къ Каллинику). А о патріархѣ Константіи II (1834—1835 г.) Гедеонъ замѣчаетъ лишь: „это человѣкъ недостойный того, чтобы о немъ говорить“¹⁾. Что могла бы значить такая аттестація?

Мы довели до предположеннаго конца наши разсужденія о константинопольской патріархіи по ея интеллектуальной сторонѣ. Несомнѣнно, что они не производятъ впечатлѣнія цѣльности и гармоніи. Но въ этомъ не наша вина. О второй половинѣ XV-го и XVI вѣкѣ наши свѣдѣнія по части просвѣщенія патріарховъ не богаты, но это такая сѣдая старина турецкаго періода греческой церкви, что мы и не вправѣ ожидать богатства историческихъ матеріаловъ для эпохи, столь отдаленной отъ нашего вѣка. Тѣмъ не менѣе благодаря прекраснымъ трудамъ Дамаскина Студита, разумѣемъ его *Historia Patriarchica* и *Historia Politica*, мы достаточно вѣрно, какъ намъ кажется, представляемъ себѣ состояніе просвѣщенія патріархіи указанныхъ вѣковъ. Переходя отъ XVI вѣка къ XVII, изслѣдователь, какъ мы отмѣтили это раньше, встрѣчаетъ странное явленіе: число образованныхъ патріарховъ въ это время вмѣсто приращенія сводится къ минимуму? Отчего это происходитъ? Еще болѣе затрудненій испытываетъ историкъ, описывая XVIII вѣкъ, поскольку въ немъ жили тѣ или другіе патріархи константинопольскіе. Число образованныхъ патріарховъ этого времени вдругъ намного поднимается по сравненію съ прежнимъ вѣкомъ? Какъ понимать это явленіе? Едвали мы ошибемся, если скажемъ, что вѣроятно и XVII и XVIII вѣка по отношенію къ образованію въ Греціи ничѣмъ существенно не отличались одинъ отъ другаго. Едвали XVII вѣкъ на самомъ дѣлѣ такъ проигрываетъ по сравненію съ XVIII. Все дѣло, кажется, сводится къ тому, что XVII вѣкъ не имѣлъ обстоя-

¹⁾ Тамъ же, *σελ.* 679 (Ср. Маты II, 47), 682. 692.

тельныхъ писателей, которые сохранили бы нужныя для насъ данныя, и безцеремонныхъ панегиристовъ этого вѣка. XVIII же вѣкъ извѣстенъ тѣмъ, что тогда жило нѣсколько писателей, очень склонныхъ впадать въ оптимизмъ и многоглаголивыхъ (Далонте, Д. Прокопій и отчасти Макрей). Вѣрить имъ на слово едвали возможно. Ихъ отзывы о патріархахъ походятъ на тѣ отмѣтки, какія проставляются въ кандидатскихъ (а въ старину: и въ магистерскихъ) дипломахъ Духовныхъ Академій. Здѣсь обыкновенно читаемъ: отлично хорошо, весьма хорошо и пр. Но такимъ отмѣткамъ не придаютъ серьезнаго значенія ни благодушные экзаменаторы, которые наставили лестныхъ отмѣтокъ, ни сами владѣтели дипломовъ, ни начальство, которому предъявляются эти дипломы; а меньше всего значенія этимъ отмѣткамъ даютъ мусорщики, къ которымъ съ теченіемъ времени попадаютъ дипломы—мусорщики цѣнятъ и больше всего бумагу и пергаментъ. Почти тоже значеніе имѣетъ и большинство свидѣтельствъ о состояніи просвѣщенія въ константинопольской патріархіи указаннаго вѣка¹⁾. Отзывы эти подозрительны по ихъ оптимизму. М. Гедсонъ знаетъ имъ цѣну и поступаетъ благоразумно, когда эти отзывы убавляетъ на 90% по ихъ количеству (т. е. по ихъ стремленію широко расписывать интеллигентность патріарховъ) и когда онъ же убавляетъ ихъ на 25% по ихъ качеству. Мы вполнѣ раздѣляемъ воззрѣнія Гедсона, сбавляющаго въ сейчасъ указанномъ случаѣ 90%, но должны сказать, что онъ еще мало сбавляетъ съ цѣны, когда провѣряетъ качественное достоинство оптимистическихъ отзывовъ. Намъ кажется, что мы сами поступаемъ правильнѣе, сбавляя цѣну отзывовъ по ихъ качественности на 50%. Что такая процедура качественной сбавки въ отзывахъ XVIII вѣка очень позволительна, это легко усмотрѣть изъ слѣдующаго: сравнивая XVIII и XIX вѣка, мы видимъ, что въ XIX вѣкѣ

1) Въ источникахъ XVIII вѣка встрѣчаемъ отзывы о патріархахъ: *ἑλλόγισμος—πολυμαθής—εἰδήμιος* чего-нибудь, — *ἔμπειρος—πεπαιδευμένος—ἐπίσημος διὰ τῆθθου—τῶν πεπαιδευμένων πολυμαθέστατος—φιλόμουσος—εὐμαθής—φιλομαθής* и. л. п. Но эти отзывы, въ особенности если они заразъ въ большомъ количествѣ прилагаются къ одному и тому же лицу (а это бываетъ съ патріархами XVIII вѣка), ясно имѣютъ очень много общаго съ вышеуказанными отмѣтками на нашихъ дипломахъ.

число образованныхъ патриарховъ въ Константинополь вдругъ упадаетъ и убавляется по сравненію съ XVIII вѣкомъ. Но этого явленія въ дѣйствительности быть не могло: если много было образованныхъ архипастырей столицы въ XVIII вѣкѣ, въ XIX ихъ должно быть еще больше. Разница, столь замѣтная съ перваго взгляда между XVIII и XIX вѣками—кажущаяся: патриарховъ XVIII вѣка перехвалили, а патриарховъ XIX вѣка никто не считалъ необходимымъ хвалить до излишества ¹⁾. Поэтому, полагаемъ, что начертанная нами, картина просвѣщенія патриарховъ XIX вѣка правильнѣе и безпристрастнѣе, чѣмъ какъ можно описывать ту же сторону дѣла за XVIII вѣкъ. Вообще, если историческіе отзывы о XV и XVI вѣкахъ оставимъ почти неприкосновенными, а слишкомъ малочисленные благоприятные отзывы о XVII вѣкѣ нѣсколько расширимъ и разбавимъ ихъ оптимизмомъ, отзывы же о XVIII вѣкѣ намного поубавимъ, растворивъ ихъ пессимизмомъ,—и оставимъ безъ существенныхъ измѣненій отзывы о XIX вѣкѣ, то полагаемъ, что мы приблизимся къ истинно-историческому представленію о степени просвѣщенности патриархіи отъ второй половины XV вѣка до ближайшихъ къ намъ временъ, при чемъ, конечно, мы не должны забывать того общаго правила, что просвѣщеніе движется впередъ, и что позднѣйшіе вѣка въ этомъ отношеніи счастливѣе прежнихъ.

А. Лебедевъ.

¹⁾ Скромность есть лучшее украшеніе XIX вѣка. Въмѣсто пышныхъ и невѣроятныхъ эпитетовъ, какими украшались патриархи XVIII вѣка за ихъ просвѣщенность и умъ, у писателей этого самаго вѣка,—въ источникахъ XIX вѣка встрѣчаемъ очень скромныя рекомендаціи интеллектуальныхъ достоинствъ патриарховъ нашего вѣка. О патриархахъ или умалчивается: каковы они были въ этомъ отношеніи (разумѣется не безъ цѣли), или же, какъ мы уже знаемъ, попадаются, и часто, замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: *μετρία παιδεία*, *παιδεία τινος* (sic!), *παιδεία μετρία*; или даже замѣтки еще болѣе скромнаго характера: *στοιχείων παιδεία*, *στοιχειωδέατης παιδεία*; встрѣчаются и советамъ обидныя замѣтки: *ἀμαθής*! Ужъ тутъ нѣтъ прикрасъ и лестн, или пустой риторики!